

ИСТОРИЯ / HISTORY**К вопросу о польско-японском военном союзе против СССР в 1922–1939 гг.**

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120028046-1

Зорихин Александр Геннадьевич

Кандидат исторических наук, Ассоциация японоведов (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: 0000-0001-7361-7237. E-mail: tsunami77@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 18.08.2023.

Аннотация:

Статья посвящена давно обсуждаемой в отечественной исторической науке проблеме существования тайного польско-японского военного соглашения, которое якобы было заключено в 1931 г. и направлено против Советского Союза. Первое сообщение о том, что Варшава и Токио заключили тайный военный союз, советское военно-политическое руководство получило по линии внешней разведки органов государственной безопасности со ссылкой на надежный источник в марте 1932 г. Информация об этом поступала в Москву еще несколько лет, поэтому вероятность консолидированных военных действий против нашей страны со стороны Японии и Польши закладывалась советским Генеральным штабом в планы стратегического развертывания Вооруженных сил вплоть до 1939 г. Однако анализ сохранившихся документов польских и японских органов военного управления свидетельствует о том, что между Варшавой и Токио отсутствовали какие-либо договоренности о ведении совместных боевых действий против Советского Союза. Польша в случае возникновения конфликта рассчитывала опереться на военную помощь Франции и Румынии на основе межгосударственных соглашений 1921 г. Япония в 1922–1939 гг. не имела союзников в Европе, поэтому ее оперативное планирование не предусматривало поддержки со стороны третьей державы, а строилось по принципу эластичной обороны на севере и западе Маньчжурии с одновременным нанесением контрудара по советской группировке войск в Уссурийском крае. Тем не менее в 1922–1939 гг. военные ведомства Варшавы и Токио осуществляли тесное сотрудничество в области разведки и контрразведки, благодаря чему в Японии была создана мощная дешифровальная служба. Кроме того, японские офицеры проходили стажировку в польской армии.

Ключевые слова:

Разведка, Генеральный штаб, Польша, Япония, Советский Союз, Квантунская армия.

Для цитирования:

Зорихин А.Г. К вопросу о польско-японском военном союзе против СССР в 1922–1939 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 6. С. 148–157. DOI: 10.31857/S013128120028046-1.

Архивная революция конца прошлого века позволила по-новому взглянуть на события кануна Второй Мировой войны. То, что еще вчера находилось в области догадок и предположений, сегодня может быть пересмотрено сквозь призму вводимых в оборот документов военных и дипломатических ведомств нескольких стран из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центрального военного архива Республики Польша (CAW), Архива Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной обороны (НИИО МНО) и Национального архива Японии. Речь в данной статье пойдет о проблеме существования тайного военного блока Варшавы и Токио против Москвы.

Взаимоотношения Советского Союза с Японией и Польшей между двумя мировыми войнами носили сложный и противоречивый характер. Несмотря на заключенный в 1921 г. Рижский мирный договор, Москва с опасением относилась к Варшаве, подозревая ее в притязаниях на советские территории. В докладе начальника Штаба РККА

М.В. Фрунзе в Реввоенсовет СССР «Об уточнении плана строительства армии на 1924/25 год» от 16 июля 1924 г. Польша наряду с Румынией называлась наиболее вероятным противником¹. Она же фигурирует в числе «вероятных ближайших противников к 1938 г.» в докладе начальника Штаба РККА А.И. Егорова нарквоеномору К.Е. Ворошилову «О развитии Р.К.К.А. во вторую пятилетку» от 13 декабря 1933 г.² Со второй половины 1930-х гг. советское военное руководство исходило уже из предпосылки о нападении Польши на СССР в блоке с фашистскими странами. Так, в записке начальника Генштаба Б.М. Шапошникова К.Е. Ворошилову «О наиболее вероятных противниках» от 24 марта 1938 г. высказывалось предположение о возможном выступлении против СССР Польши, Германии и Италии при участии приграничных стран на западе и Японии на востоке³.

В отличие от Варшавы Токио не рассматривался Москвой как потенциальный агрессор — до оккупации Японией Маньчжурии в 1931–1932 гг. С выходом Квантунской армии к границе СССР советское руководство было вынуждено считаться с перспективой возможного нападения, относительно которой И.В. Сталин высказал свои опасения в письме К.Е. Ворошилову от 27 ноября 1931 г. В числе причин вероятной попытки Японии «захватить в следующем году территорию Дальнего Востока» Сталин назвал стремление Токио в рамках подготовки к предстоящей войне с Америкой обезопасить Маньчжурию как «широкую экономическую и военную базу на материке», а также желание воспрепятствовать распространению «большевистской заразы» на Северный Китай и Японию⁴. Тезис об угрозе с востока фигурировал во всех документах оперативного планирования в 1932 г. В частности, в «Соображениях об основах стратегического развертывания Вооруженных сил СССР на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы» наркома обороны С.К. Тимошенко и начальника Генштаба К.А. Мерецкова от 18 сентября 1940 г. подчеркивалось, что наряду с вероятным столкновением на западе Советскому Союзу следует быть готовым к нападению Японии на Дальнем Востоке⁵.

Советское руководство было всерьез обеспокоено наличием тайного военного соглашения между Японией и Польшей, поскольку в 1932–1935 гг. органы государственной безопасности со ссылкой на надежный источник неоднократно информировали И.В. Сталина о том, что Варшава и Токио строят свою внешнюю политику в направлении полной изоляции СССР и что между ними заключен военный союз для подготовки к вторжению в нашу страну⁶.

Вопрос о тайном польско-японском военном союзе поднимался в 2012–2021 гг. докторами исторических наук С.В. Морозовым и В.А. Зубачевским. В ходе своих исследований оба ученых пришли к выводу о существовании такого союза⁷. Вводимые в оборот документы из архивохранилищ Японии и Польши заставляют по-иному взглянуть на эту проблему.

¹ Реформа в Красной армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. Кн. 1. М.; СПб.: Летний сад, 2006. С. 201.

² РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 332. Л. 103.

³ 1941 год. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 558.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 715. Л. 8–9.

⁵ ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 239. Л. 1.

⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 185. Л. 65; Д. 187. Л. 36–37, 80–81.

⁷ Морозов С.В. 1934 — весна 1935 гг.: Польша, Япония и Германия против СССР — война, которую удалось предотвратить // *От Киевской Руси до России XXI в.: вехи российской истории, государственности, общества и культуры. Международная научная конференция, посвященная 1150-летию Российской государственности*. Витебск: ВФ УО ФПБ «Международный университет «МИТСО», 2012. С. 153–156; Морозов С.В. К вопросу о польско-японском военном соглашении 1931 г. // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 11–1(53). С. 104–107; Зубачевский В.А. Сговор Пилсудского с Гитлером. Германско-польские отношения в 1933–1935 гг. // *Военно-исторический журнал*. 2021. № 1. С. 4–12.

Любой союз двух государств против третьей страны предполагает закрепление его целей в руководящих документах по вопросам военной и внешней политики, разработку совместных планов ведения боевых действий, организацию миссий связи, унификацию вооружения, военной и специальной техники, взаимную подготовку кадров.

С момента возникновения польского государства — Второй Речи Посполитой — в ноябре 1918 г. и вплоть до его гибели в сентябре 1939 г. Варшава стояла перед проблемой определения главного противника. Очевидными претендентами на эту роль были Германия на западе, Литва и Советский Союз — на востоке, причем Москву польские власти изначально подозревали в намерениях взять реванш за поражение в войне 1920 г. Алармистские настроения в отношении СССР красной нитью проходили через служебные документы и выступления военно-политического руководства Польши.

Так, военный министр В. Сикорский предупредил 3 мая 1924 г. начальника Генерального штаба С. Халлера о высокой вероятности нападения в ближайшие годы Советского Союза на Литву, к которым присоединится Германия⁸.

Мысль об угрозе с востока повторил два с половиной года спустя вернувшийся к руководству страны Ю. Пилсудский. Выступая 23 ноября 1926 г. на заседании Комитета обороны государства, он заявил: «В России большая часть населения войны не хочет... [Но] в России есть группа людей, которая не может жить спокойно. Эти люди, образующие верхние слои государства, способны привести Россию в движение и повести ее туда, куда захотят [...] Неугомонные люди в России не оставят нас в покое, потому что Россия в отношении нас может стремиться к реваншу, хотя [их] компетентные органы уверяют, что реванша не хотят. Однако внутренние трения в партии и кризис веры в большевизм могут легко породить у них желание выйти из этой ситуации путем объявления нам войны»⁹.

Более того, несмотря на приход к власти нацистов в Германии в 1933 г. и ввод 7 марта 1936 г. немецких войск в подконтрольную Франции Рейнскую область, сменивший Пилсудского на посту генерального инспектора Войска Польского Э. Рызд-Смиглы был по-прежнему убежден, что основная угроза исходит от Москвы, поэтому в ноябре 1935 г. приказал переработать оперативный план боевых действий против СССР «Восток» 1925 г. с учетом произошедшего с того времени количественного и качественного роста РККА¹⁰.

Изучение сохранившихся документов польского военного планирования показывает, что в своих расчетах Варшава опиралась как на собственные вооруженные силы, так и на военную помощь Парижа и Бухареста, не полагаясь на оттягивание войск Красной армии с запада на восток в случае конфликта между Токио и Москвой.

Согласно последнему из ныне известных вариантов плана «Восток» (1939) военно-политическое руководство Польши рассчитывало обороняться 37 пехотными дивизиями, 11 кавалерийскими и 1 моторизованной бригадами против 77–80 советских дивизий, развернутых на 30-й день войны.

По польско-румынскому секретному военному соглашению от 3 марта 1921 г. в случае нападения СССР на одну из сторон вторая должна была немедленно объявить мобилизацию в тех же масштабах, что и атакованная сторона, а при необходимости направить ей на помощь либо 14 пехотных дивизий, либо 4 пехотных и 2 артиллерийских полка, либо равнозначные силы и 2 кавалерийские дивизии. Во время войны взаимо-

⁸ *САР*. Kol. ros., sygn. VIII.800.61.2. К. 2.

⁹ Здесь и далее перевод наш — А.З. Цит. по: *Stawecki P.* Protokół pierwszego posiedzenia Komitetu Obrony Państwa z dnia 23 listopada 1926 r. // *Kwartalnik Historyczny*. 1988. No. 3. S. 82–83.

¹⁰ *Włodarkiewicz W.* Przed 17 września 1939 roku: Radzieckie zagrożenie Rzeczypospolitej w ocenach polskich naczelnych władz wojskowych 1921–1939. Warszawa: Neriton, 2002. S. 234.

действие между польской и румынской армиями обеспечивали специально прикомандированные к генштабам обеих стран офицеры связи и комиссии служб тыла, в мирное — военные атташе¹¹. В отличие от Румынии Франция не брала на себя обязательства по отправке войск, однако в секретной военной конвенции от 21 февраля 1921 г. соглашалась в случае начала войны направить полякам военное снаряжение, железнодорожный транспорт и технический персонал.

В целом неблагоприятное для Варшавы соотношение сил в случае столкновения с Красной армией (1:2) по планам польского Генерального штаба 1920-х — 1930-х гг. компенсировалось маневренной обороной его группировки войск на восточной границе с опорой на внутренние коммуникации и болота Полесья, взаимодействием с румынскими соединениями и военной помощью Парижа. Сценарии нападения или нанесения превентивного удара по советским войскам польским военным планированием не предусматривались¹².

Руководящие документы Японии в рассматриваемый период были представлены «Курсом национальной обороны империи», «Программой использования Вооруженных сил», ежегодно разрабатываемыми Генштабом на их основе оперативными планами, а с ноября 1937 г. — решениями Координационного совещания правительства и Императорской верховной ставки, которые утверждались императором. Их изучение показывает, что до 1936 г. Советский Союз не фигурировал в числе главных противников Японии, уступив в феврале 1923 г. этот статус США¹³.

В начале 1936 г. верховное командование японской армии и флота пришло к выводу о необходимости пересмотра военной доктрины империи и включения Советского Союза в число ее главных противников. Обосновывая перед военным министром в мае 1936 г. тезис об угрозе с севера, начальник Генерального штаба маршал Канъин Котохито ссылаясь на агрессивный характер советской внешней политики, нацеленной, по его мнению, на насаждение коммунистической идеологии по всему миру, прежде всего во Внешней Монголии, Синьцзяне и материковом Китае, а также на рост военных приготовлений СССР против Японии и Маньчжоу-го¹⁴. Хотя в июне 1936 г. Советский Союз наряду с США был назван в обновленном «Курсе национальной обороны империи» ее главным противником, высшее руководство Японии в принятых 7 августа того же года «Основных принципах национальной политики» заявило о своем намерении избегать военного столкновения с СССР и создании, с целью обеспечения паритета, в Маньчжурии и Корее группировки войск, аналогичной советской на Дальней Востоке и в Забайкалье¹⁵.

Так же, как и польское военное планирование против СССР, японское носило выраженный оборонительный характер, хотя и не исключало нанесение упреждающего удара по советским войскам в Приморье. Сценарии оперативных планов Генерального штаба Японии в 1933–1944 гг. сводились к тому, чтобы в начальный период войны сдерживать наступление Красной армии в Северной и Западной Маньчжурии, одновременно или после нанести мощный контрудар по Приморью, затем перенести боевые действия в Забайкалье.

¹¹ Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939. T. I. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1989. S. 148–150.

¹² *Polska Sztuka Wojenna 1918–1939*. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1972. S. 76–78, 84–91.

¹³ *Архив НИИО МНО Японии*. Бунко-Миядзаки-3 (С. 14061002700). Л. 0010–0012.

¹⁴ *Архив НИИО МНО Японии*. 9 сонота-касумигасэки-15 (С. 14121170900). Л. 2185–2187.

¹⁵ *Кошкин А.А.* Крах стратегии «спелой хурмы»: Военная политика Японии в отношении СССР, 1931–1945 гг. М.: Мысль, 1989. С. 211–212.

Другая особенность японского планирования заключалась в том, что, в отличие от Варшавы, Токио не имел союзников на Дальнем Востоке или в Европе, готовых в случае столкновения с Советским Союзом выступить на его стороне, поэтому полагался только на собственные силы. Хотя в ноябре 1936 г. Япония и Германия заключили «Антикоминтерновский пакт», фактически он не содержал положений об оказании взаимной военной помощи на случай войны против СССР, а подписанное в октябре 1938 г. начальником Верховного командования вермахта В. Кейтелем и военным атташе в Рейхе Осима Хироси «Дополнительное соглашение о японо-германском обмене информацией о Советском Союзе» являлось не более чем договором о сотрудничестве разведывательных органов двух стран¹⁶.

Отсутствие военного союза против СССР никак не мешало Японии и Польше активно взаимодействовать в сфере обороны весь межвоенный период. Характер сотрудничества раскрыт в представлении МИД Японии на награждении Э. Рьдз-Смиглы орденом Восходящего солнца I степени от 9 ноября 1936 г.: «Главные заслуги генерал-лейтенанта [Рьдз-Смиглы] в отношении нашей армии нижеследующие:

1. Предоставляет точную информацию о Советской армии. Ввиду того, что наши страны занимают одну позицию по вопросу государственной политики в отношении СССР, Польша предоставляет нам большой объем информации о Советском Союзе, добытой при помощи передовых разведывательных технологий. Это принесло нам огромную пользу в деле подготовки к боевым действиям против СССР.

2. Правильно понимает нашу позицию по недавнему инциденту и прилагает усилия к воздействию на общественное мнение. Генерал-лейтенант [Рьдз-Смиглы] не только хорошо понимает нашу точку зрения на Восточную Азию и прилагает усилия к воздействию на международное общественное мнение, но и предоставляет нам разведывательную информацию по Европе, особенно по СССР, что в значительной степени помогло нам в осуществлении государственной политики.

3. Создает благоприятные условия для прохождения стажировки в области разведки и контрразведки командированными офицерами нашей армии. По отношению к многочисленным командированным офицерам нашей армии оказывается такое беспрецедентное содействие, которое не оказывалось офицерам армий других стран. И это приносит большую пользу в деле прохождения ими стажировки»¹⁷.

В основе польско-японского военного сотрудничества лежало взаимодействие разведывательных органов двух стран. Оно началось в 1919 г., когда прибывший в Варшаву в качестве военного наблюдателя капитан Ямаваки Масатака стал получать от польков информацию о ходе боевых действий Красной армии против Войска Польского и Добровольческой армии, дислокации, организации, уровне боеспособности РККА в европейской части Советской России, социально-экономической и политической обстановке в нашей стране. Эти сведения предоставлялись японцам по личному распоряжению начальника Генерального Штаба польской армии В. Сикорского, который санкционировал передачу развединформации не только военному атташе, но также стажировавшимся в польской армии капитанам Мураками Кэйсаку (1919–1922) и Касахара Юкио (1922–1925). Непосредственным куратором контактов с японцами выступал глава 2-го отдела. В 1919–1939 гг. польскую военную разведку возглавляли 9 человек и каждый из них по должности отвечал за сотрудничество с японцами¹⁸.

В ответ Ямаваки, назначенный после установления двусторонних дипломатических отношений в 1921 г. военным атташе в Варшаве, передавал польским разведчикам информацию о ситуации на советском Дальнем Востоке и Забайкалье, так как польский

¹⁶ *Архив НИИО МНО Японии*. Бунко-Миядзаки-32 (С. 14061021200). Л. 1880–1884.

¹⁷ Перевод наш — А.З. Цит. по: *Национальный архив Японии*. Кун-00778100 (A10113187400). Л. 138–140.

¹⁸ *Национальный архив Японии*. Кун-00679100 (A10113064200). Л. 146.

Генштаб до 1925 г. не имел военного атташе при посольстве в Токио и остро нуждался в любой информации о восточном регионе СССР, справедливо считая, что события там влияют на обстановку на советско-польской границе. Двусторонний обмен разведывательной информацией, несмотря на падение Второй Речи Посполитой в 1939 г., продолжался вплоть до 1945 г.

Важнейшим итогом начального этапа разведывательного сотрудничества Варшавы и Токио стала организация в середине 1920-х гг. дешифровальной службы японской армии, превратившейся к концу Второй мировой войны в основную для поляков источник сведений о советском военном потенциале.

По инициативе военного атташе в Польше майора Окабэ Наосабуро в Японию в 1923 г. был приглашен крупнейший польский специалист по советским шифрам капитан Я. Ковалевский, благодаря которому в 1919–1920 гг. Варшава практически ежедневно читала закрытую переписку Красной армии.

С 1 февраля 1923 г. Ковалевский вел лекции в Токио для 23 специально отобранных офицеров. Он познакомил японцев с общей теорией шифров, принципами организации службы радиоразведки, провел практические занятия по дешифровке советских шифров на примере взлома одного из использовавшихся в тот момент советским полпредом в Китае А.А. Иоффе, оценил и предложил внести изменения в японские шифры, в частности вводимые в действие по мобилизационным планам. Благодаря Ковалевскому японский Генштаб подготовил совершенно секретный «Справочник по основам дешифровального дела», описывавший шифры СССР, ведущих европейских стран и методы их взлома¹⁹. В июне 1925 г. в Японии начала действовать станция радиоперехвата, но вскоре по техническим причинам она прекратила работу²⁰.

Оценивая пребывание польского специалиста в Токио, начальник Генштаба Ка-аи Мисао заявил 1 июня 1925 г. военному атташе Польши в Японии В. Енджеевичу, что Ковалевский оказал огромную услугу японской армии, познакомив ее с методами дешифровки²¹.

В декабре 1925 г. в Варшаву на годичную стажировку выехали капитан Кудо Кацухико и майор Хякутакэ Харуёси. В течение первого месяца они знакомились с теорией и практикой взлома буквенных и слоговых шифров с разного рода короткими заменами. На втором месяце шло теоретическое и практическое знакомство с шифрами длинных замен, кодами, шифрами перестановок и книжными шифрами, использовавшимися в военной и дипломатической переписке. В оставшееся время Хякутакэ и Кудо изучали организацию радиоразведки в польской армии, а в конце обучения посетили один из радиоразведывательных пунктов, работавший против СССР. В 1929–1935 гг. в Польше побывали еще четыре японских криптографа, которые впоследствии возглавили дешифровальные органы, действовавшие против СССР²².

¹⁹ *Wolos M.* Misja kapitana Jana Kowalewskiego do Japonii w 1923 roku // *Wywiad i kontrwywiad wojskowy II RP. Studia i materiały z działalności Oddziału II SG WP*. Tom 1. Łomianki: Wydawnictwo LTW, 2010. S. 339–340; 有賀傳. 日本陸海軍の情報機構とその活動 [*Apuza Цумао*. Разведывательные органы японской императорской армии и флота и их деятельность]. 東京: 近代文藝社, 1994年. 142–144頁.

²⁰ *Takahashi Hisashi.* A Case Study: Japanese Intelligence Estimates of China and the Chinese, 1931–1945 // *The intelligence revolution: a historical perspective: proceedings of the Thirteenth Military History Symposium, U.S. Air Force Academy, Colorado Springs, Colorado, October 12–14, 1988. U.S. Air Force Academy Office of Air Force History United States Air Force*. Washington, DC, 1991. P. 204.

²¹ *CAW*. I.303.4.4476. К. 68–69.

²² *Kuromiya H., Peplowski A.* Między Warszawą a Tokio: polsko-japońska współpraca wywiadowcza 1904–1944. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2017. S. 78.

В середине 1930-х гг. разведки двух стран вышли на пик взаимодействия. 2-й отдел польского Генштаба регулярно передавал японцам информацию об организации, вооружении, дислокации Красной армии, мероприятиях по усилению Особой Краснознаменной дальневосточной армии (ОКДВА), формированию мотомеханизированных и авиационных частей, деятельности советской разведки, за что в 1929–1938 гг. большая группа польских офицеров, включая начальника Генштаба Т. Пискора, начальников 2-го отдела Т. Шетцеля (1926–1929) и Т. Пелчиньского (1929–1932 и 1935–1939), начальника реферата радиоразведки Ф. Покорного, специалиста по криптоанализу советских шифров Я. Гралинского, военных атташе в Японии Х. Флюяр-Райхмана (1928–1932), А. Щлусарчика (1932–1935) и А. Пжибыльского (1935–1938), была награждена японскими орденами²³.

Взамен в 1935–1936 гг. Пжибыльский получил из Генштаба Японии большой объем информации о Красной армии, в т.ч. данные о боевом составе, численности и дислокации сухопутных войск в целом, боевом составе ОКДВА, дислокации ВВС и войск НКВД на Дальнем Востоке, организационно-штатной структуре стрелковой дивизии, стрелкового и артиллерийского полков ОКДВА, стрелкового корпуса²⁴. Аналогичная информация поступала в польский Генштаб от японцев через их военного атташе в Варшаве²⁵.

Кроме разведывательных контактов военные ведомства Японии и Польши поддерживали сотрудничество в области подготовки кадров: по далеко неполным подсчетам, в 1935–1939 гг. польскую армию посетили или побывали там на стажировке свыше 60 японских офицеров²⁶.

Таким образом, польско-японское военное сотрудничество касалось только взаимодействия разведывательных органов двух стран и подготовки кадров военнослужащих. Между Варшавой и Токио отсутствовали межгосударственные соглашения военного характера, нацеленные против СССР, а их оперативное планирование не предусматривало нападение на нашу страну, тем более что оба государства понимали бесперспективность такового. В свою очередь, Советский Союз также не преследовал цель силовыми методами выстраивать отношения с Японией и Польшей, полагаясь в межгосударственных отношениях на меры дипломатического и идеологического характера.

Но кто же все-таки нагнетал алармистские настроения в советском руководстве относительно тайного польско-японского военного сговора и чьи сообщения сегодня ложатся в основу исследований отечественных и зарубежных историков? Это почти детективная история.

В 1957 г. в Следственное управление КГБ при СМ СССР поступило обращение от родственников расстрелянного в августе 1937 г. по обвинению в шпионаже в пользу Польши советского разведчика Викентия Антоновича Илинича. Разведчик долгие годы нелегально работал по линии Иностранного отдела и Разведупра в Польше, был арестован ее контрразведкой, сумел вырваться из лап дефензивы, однако в ноябре 1936 г. получил приказ вернуться на Родину, где и был репрессирован.

Ответ КГБ был обескураживающим: признать приговор, вынесенный В.А. Илиничу в 1936 г. справедливым, в реабилитации отказать.

²³ *Национальный архив Японии*. Кун-00752100 (A10113152900). Л. 45; Кун-00778100 (A10113187700); Кун-00826100 (A10113264700). Л. 143; Кун-00827100 (A10113266200); Кун-00778100 (A10113187700).

²⁴ *Kuromiya H., Peplowski A. Między Warszawą a Tokio: polsko-japońska współpraca wywiadowcza 1904–1944*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2017. S. 275–280, 285–287.

²⁵ *SAW*. I.303.4.3011. К. 15.

²⁶ *Mazur W. Staże oficerów armii obcych w Wojsku Polskim w latach 1935–1939: sprostowania i uzupełnienia // Przegląd Historyczno-Wojskowy*. 2011. 12 (63)/4 (237). S. 207–220.

Как выяснилось, предприимчивый резидент, направленный в сентябре 1931 г. на нелегальную работу в Польшу, завербовал дальнего родственника — мелкого клерка из польского МИДа, однако Центру представил дело так, будто бы в его сети попал польский посол в одной крупной европейской стране, который якобы требовал за сотрудничество только доллары и ни с кем, кроме Илинича, контактировать не желал. Какие-то документы, поступавшие от клерка, действительно были подлинными, однако большую часть материалов мошенник просто фабриковал. Так, благодаря обману, он стал долларовым миллионером.

В докладе специальной комиссии ЦК КПСС афера Илинича расписана без прикрас: «В материалах, направляемых Илиничем в ИНО НКВД за 1932–1935 годы, содержалась информация о том, что Польша, Германия, Англия, Франция, США и Япония строят свою внешнюю политику в направлении полной изоляции СССР, что они активно готовятся к разделу территории СССР путем военного вторжения, высказывалось предположение о неизбежном союзе Польши, Германии, Англии, Италии и Японии против СССР; о непрочности и фиктивности существовавшего в то время договора о взаимопомощи между СССР и Францией»²⁷.

Безответственные действия авантюриста, беззащитно пользовавшегося доверием и деньгами советской разведки, могли стать причиной резкого обострения и без того непростых отношений нашей страны с Польшей и Японией. Однако история не терпит сослагательных наклонений и после разоблачения Илинича алармистские настроения у руководства СССР по поводу тайного польско-японского военного сговора постепенно сошли на нет.

Литература

1941 год. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. 752 с.

Документы Centralne Archiwum Wojskowe (CAW).

Документы Архива Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной обороны Японии (Архив НИИО МНО).

Документы Национального архива Японии.

Документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

Документы Российского государственного военного архива (РГВА).

Документы Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО).

Зубачевский В.А. Сговор Пилсудского с Гитлером. Германо-польские отношения в 1933–1935 гг. // *Военно-исторический журнал*. 2021. № 1. С. 4–2.

Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы»: Военная политика Японии в отношении СССР, 1931–1945 гг. М.: Мысль, 1989. 271 с.

М.Н. Тухачевский и «военно-фашистский заговор» // *Военно-исторический архив*. 1997. Вып. 2. С. 3–81.

Морозов С.В. 1934 — весна 1935 гг.: Польша, Япония и Германия против СССР — война, которую удалось предотвратить // *От Киевской Руси до России XXI в.: веки российской истории, государственности, общества и культуры. Международная научная конференция, посвященная 1150-летию Российской государственности*. Витебск: ВФ УО ФПБ «Международный университет «МИТСО», 2012. С. 153–156.

Морозов С.В. К вопросу о польско-японском военном соглашении 1931 г. // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 11–1 (53). С. 104–106.

Реформа в Красной армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. Кн. 1. М.; СПб.: Летний сад, 2006. 720 с.

Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939. T. I. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1989. 361 s.

²⁷ М.Н. Тухачевский и «военно-фашистский заговор» // *Военно-исторический архив*. 1997. Вып. 2. С. 35–37.

- Kuromiya H., Peplowski A.* Między Warszawą a Tokio: polsko-japońska współpraca wywiadowcza 1904–1944. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2017. 529 s.
- Polska Sztuka Wojenna 1918–1939.* Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1972. 389 s.
- Mazur W.* Staże oficerów armii obcych w Wojsku Polskim w latach 1935–1939: sprostowania i uzupełnienia // *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. 2011. No. 12 (63)/4 (237). S. 201–221.
- Stawecki P.* Protokół pierwszego posiedzenia Komitetu Obrony Państwa z dnia 23 listopada 1926 r. // *Kwartalnik Historyczny*. 1988. № 3. S. 73–85.
- Takahashi Hisashi.* A Case Study: Japanese Intelligence Estimates of China and the Chinese, 1931–1945 // *The intelligence revolution: a historical perspective: proceedings of the Thirteenth Military History Symposium, U.S. Air Force Academy, Colorado Springs, Colorado, October 12–14, 1988. U.S. Air Force Academy Office of Air Force History United States Air Force*. Washington, DC, 1991. Pp. 202–222.
- Włodarkiewicz W.* Przed 17 września 1939 roku: Radzieckie zagrożenie Rzeczypospolitej w ocenach polskich naczelnych władz wojskowych 1921–1939. Warszawa: Neriton, 2002. 318 s.
- Wolos M.* Misja kapitana Jana Kowalewskiego do Japonii w 1923 roku // *Wywiad i kontrwywiad wojskowy II RP. Studia i materiały z działalności Oddziału II SG WP*. Tom 1. Łomianki: Wydawnictwo LTW, 2010. S. 329–341.
- 有賀傳. 日本陸海軍の情報機構とその活動 [*Aruha Urymao*. Разведывательные органы японской императорской армии и флота и их деятельность]. 東京: 近代文藝社, 1994年. 335頁.

On the Question of the Polish-Japanese Military Alliance against the USSR in 1922–1939

Alexander G. Zorikhin

Ph.D. (History), Association of Japanologists (address: 12, st. Rozhdestvenka, Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7361-7237. E-mail: tsunami77@rambler.ru

Received 18.08.2023.

Abstract:

The article is devoted to the problem of the existence of a secret Polish-Japanese military agreement, which was allegedly concluded in 1931 and directed against the Soviet Union, which has long been debated in Russian historical science. The first message that Warsaw and Tokyo had concluded a secret military alliance was received by the Soviet military-political leadership through the foreign intelligence of state security agencies, citing a reliable source in March 1932. Information about this was received in Moscow for several more years, so the probability of a simultaneous attack against our country by Japan and Poland was laid by the Soviet General Staff in the plans for the strategic deployment of the Armed Forces up to 1939. However, an analysis of the surviving documents of the Polish and Japanese military authorities indicates that there were no agreements between Warsaw and Tokyo on conducting joint military operations against the Soviet Union. Poland, in the event of a conflict, hoped to rely on military assistance from France and Romania on the basis of interstate agreements of 1921. Japan in 1922–1939 had no allies in Europe, so its operational planning did not provide for the support of a third power, but was based on the principle of elastic defense in the north and west of Manchuria with simultaneous counter-attack on the Soviet grouping of troops in the Ussuri Region. Nevertheless, in 1922–1939, the military departments of Warsaw and Tokyo carried out close cooperation in the field of intelligence and counterintelligence, thanks to which a powerful decryption service was created in Japan. In addition, Japanese officers were trained in the Polish army.

Key words:

Intelligence, General Staff, Poland, Japan, Soviet Union, Kwantung army.

For citation:

Zorikhin A.G. On the Question of the Polish-Japanese Military Alliance against the USSR in 1922–1939 // *Far Eastern Studies*. 2023. No. 6. Pp. 148–157. DOI: 10.31857/S013128120028046-1.

References

- 1941 год [1941]. Kn. 2. M.: Mezhdunarodnyj fond «Demokratiya», 1998. 752 s. (In Russ.)
 Documents from Centrale Archiwum Wojskowe (CAW). (In Pol.)
 Documents from Russian State Historical Archive (RGIA). (In Russ.)

- Documents from the Archive of the Defense Research Institute of the Ministry of National Defense of Japan. (In Jap.)
- Documents from the Central Archive of the Ministry of Defense (TSAMO). (In Russ.)
- Documents from the National Archives of Japan. (In Jap.)
- Documents from the Russian State Archive of Socio-Political History (*RGASPI*). (In Russ.)
- Documents from the Russian State Military Archive (*RGVA*). (In Russ.)
- Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939. T. I. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1989. 361 s. (In Pol.)
- Koshkin A.A.* Krah strategii «speloj hurmy»: Voennaya politika Yaponii v otnoshenii SSSR, 1931–1945 gg. [The collapse of the "ripe persimmon" Strategy: Japan's Military Policy towards the USSR, 1931–1945.]. M.: Mysl', 1989. 271 s. (In Russ.)
- Kuromiya Hiroaki, Peplowski Andrzej.* Między Warszawą a Tokio: Polsko-japońska współpraca wywiadowcza 1904–1944. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2017. 529 s. (In Pol.)
- M.N. Tuhachevskij i «voenno-fashistskij zagovor» [M.N. Tukhachevsky and the "military fascist conspiracy"]. *Voенно-istoricheskij arhiv*. 1997. Vyp. 2. S. 3–81. (In Russ.)
- Mazur Wojciech.* Staże oficerów armii obcych w Wojsku Polskim w latach 1935–1939: sprostowania i uzupełnienia. *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. 2011. No. 12 (63)/4 (237). S. 201–221. (In Pol.)
- Morozov S.V.* 1934 — vesna 1935 gg.: Pol'sha, Yaponiya i Germaniya protiv SSSR — vojna, kotoruyu udalos' predotvratit' [1934 — Spring 1935: Poland, Japan and Germany against the USSR — a war that was averted]. *Ot Kievskoj Rusi do Rossii XXI v.: vekhi rossijskoj istorii, gosudarstvennosti, obshchestva i kul'tury. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, posvyashchyonnaya 1150-letiyu Rossijskoj gosudarstvennosti*. Vitebsk: VF UO FPB «Mezhdunarodnyj universitet «MITSO», 2012. S. 153–156. (In Russ.)
- Morozov S.V.* K voprosu o pol'sko-yaponskom voennom soglashenii 1931 g. [On the issue of the Polish-Japanese military agreement of 1931]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2016. No. 11–1 (53). S. 104–106. (In Russ.)
- Polska Sztuka Wojenna 1918–1939*. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1972. (In Pol.)
- Reforma v Krasnoj armii. Dokumenty i materialy. 1923–1928 gg [Reform in the Red Army. Documents and materials. 1923–1928]. Kn. 1. M.; SPb.: Letnij sad, 2006. 720 s. (In Russ.)
- Stawecki Piotr.* Protokół pierwszego posiedzenia Komitetu Obrony Państwa z dnia 23 listopada 1926 r. *Kwartalnik Historyczny*. 1988. No. 3. S. 73–85. (In Pol.)
- Takahashi Hisashi.* A Case Study: Japanese Intelligence Estimates of China and the Chinese, 1931–1945 // *The intelligence revolution: a historical perspective: proceedings of the Thirteenth Military History Symposium, U.S. Air Force Academy, Colorado Springs, Colorado, October 12–14, 1988. U.S. Air Force Academy Office of Air Force History United States Air Force*. Washington, DC, 1991. Pp. 202–222.
- Włodarkiewicz Wojciech.* Przed 17 września 1939 roku: Radzieckie zagrożenie Rzeczypospolitej w ocenach polskich naczelnych władz wojskowych 1921–1939. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2002. 318 s. (In Pol.)
- Wólos Mariusz.* Misja kapitana Jana Kowalewskiego do Japonii w 1923 roku. *Wywiad I kontrwywiad wojskowy II RP. Studia i materiały z działalności Oddziału II SG WP*. Tom 1. Łomianki: Wydawnictwo LTW, 2010. S. 329–341. (In Pol.)
- Zubachevskij V.A.* Sgovor Pilsudskogo s Gitlerom. Germano-pol'skie otnosheniya v 1933–1935 gg. [Pilsudski's collusion with Hitler. German-Polish relations in 1933–1935]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 2021. No. 1. S. 4–12. (In Russ.)
- 有賀傳. 日本陸海軍の情報機構とその活動 [*Ariga Tsutao*. Intelligence agencies of the Imperial Japanese Army and Navy and their activities]. 東京: 近代文藝社, 1994年. 335頁. (In Jap.)